

К. В. ЧИСТОВ

Новая запись песни о Щелкане Дудентьевиче

В июле 1956 г. вместе с Кемским отрядом фольклорной экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР я побывал в селах средней части Карельского берега Белого моря — Калгалакше и Гридине (Кемский р-н КАСССР). Среди сказителей, которых удалось встретить во время этой поездки, выделяется Анастасия Васильевна Иванова, сообщившая девять текстов былин и исторических песен: «Илья и разбойники», «Илья и его брат (= сын)», «Потык», «Хотен», «Дунай и Настасья», «Князь Михайла и его жена», «Дмитрий и Домна», «Князь, княгиня и старицы» и «Щелкан Дудентьевич».

Особенный интерес в репертуаре А. В. Ивановой представляет историческая песня о Щелкане Дудентьевиче, возникновение которой связывается исследователями с антитатарским восстанием 1327 г. в Твери.¹

А. В. Ивановой 68 лет. Песню о Щелкане, по ее словам, она восприняла в деревне Гридино «от старых людей» лет 20—30 тому назад и с тех пор неоднократно ее исполняла. В настоящее время она поет только первые строки (не хватает дыхания), остальное — говорит. Так же как и былины, песню о Щелкане А. В. Иванова называет «стихом» или, в отличие от духовных стихов, «стихом нецерковным».

Вариант песни о Щелкане, записанный от А. В. Ивановой, представляет значительный историко-фольклорный интерес.

Как известно, «Щелкан» принадлежит к числу чрезвычайно редких исторических песен. До сих пор опубликовано пять записей: одна в сборнике Кирши Данилова, три — в III томе сборника А. Ф. Гильфердинга (№ 235, стр. 273—275 и 629—631; № 269, стр. 404—405 и № 283, стр. 451—453)² и одна в сборнике Ю. М. Соколова — В. И. Чичерова

¹ См.: А. Д. Седелъников. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению. — Художественный фольклор, тт. IV, V. М., 1929; Н. Н. Воронин. Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. — Исторический журнал, 1944, № 9; Я. С. Лурье. Роль Твери в создании русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ, № 36, сер. истор. наук, в. 3. Л., 1939; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1943, стр. 325—327; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 123—127. В недавнее время песня о Щелкане изучалась Б. Н. Путиловым, прочитавшим в 1956 г. доклад на эту тему в ИРЛИ.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, изд. 4-е. Под ред. проф. А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951. (В дальнейшем: Г с указанием номера песни). Мы не включаем в это число не вполне ясный текст, озаглавленный «Вольга и Щелкан» (Г 254), записанный от кенозерского сказителя И. М. Лядкова (Кропачева), склонного к причудливым контаминациям (ср. его же былинку «Микула Селянинович и Иван Годиневич»: Г 255).

(№ 253, стр. 831—832).³ Из них четыре записаны были на Кенозере и настолько близки друг к другу, что кажутся повторными записями одного и того же варианта.

В кенозерских записях песня заканчивается пожеланием Щелкану не вернуться из Твери, которое вкладывается в уста его сестры, Марьи Дудентьевны. Картина жестоких мер Щелкана по сбору «даней-выходов» отступает здесь на задний план. Щелкан должен погибнуть, потому что, стремясь получить Тверь, он по требованию Возвяга (Азвяка) выпивает чашу крови зарезанного им сына.

В варианте Кирши Данилова, эпизод с «чашей крови» не затемняет основного содержания песни. Щелкин гибнет, потому что он безжалостно притесняет тверичан.

Записанный нами вариант принадлежит, по-видимому, к особой редакции, которая до сих пор не была известна. Эта запись показывает, что развитие песни о Щелкане шло разнообразными путями, и кенозерская редакция не просто, как это принято считать, более поздняя по сравнению с редакцией, известной нам по сборнику Кирши Данилова. Это, очевидно, лишь одна из редакций, имевших более или менее местный характер. В Поморье судьба песни о Щелкане была иной. Поэтическая отработанность записанного нами варианта ясно показывает, что за ним стоит многолетняя и своеобразная традиция.

Отметим наиболее существенные черты варианта А. В. Ивановой.

1. В варианте не упоминаются ни татары, ни Тверь, ни Азвяк (Возвяг), и песня воспринимается как поэтически обобщенное изображение жестокого сборщика «даней-пошлин» и его заслуженной гибели. Песня о национальном (татарском) гнете на Руси в поморском варианте А. В. Ивановой окончательно превращается в песню о гнете социальном. Это подтверждает правильность истолкования «Щелкана» как песни не о тверском восстании 1327 г., а о татарском иге вообще (предложено Б. Н. Путиловым). Именно это и обусловило возможность эволюции ее в песню о гнете вообще, в песню о жестокостях сборщиков «даней-пошлин, прежних невыплаток, досельных невыкладок».

2. Троекратное повторение формулы сбора дани (занимает двадцать девять строк из семидесяти четырех) подчеркивает что было основным для исполнителей в облике Щелкана.

3. Щелкан гибнет там же, где берет «дани-пошлины» (в других вариантах дань собирается в Литве и др.).

4. Совершенно отсутствует эпизод с «чашей крови». Он, по-видимому, не просто забыт, а закономерно исключен в процессе сложения поморской редакции. В публикуемом варианте нет и всех тех мотивов, которые в других редакциях его подготавливают и окружают (отсутствие Щелкана в момент раздачи городов, просьба дать ему Тверь, требование Азвяка (Возвяга) зарезать сына и выпить его кровь, проклятие сестры и т. д.) С другой стороны, нет оснований считать, что этот эпизод в других редакциях включен позднее, так как он неизменно присутствует во всех вариантах за исключением нашего.

5. Проклятие вложено в уста не сестры Щелкана, как в кенозерских вариантах (у Кирши Данилова «проклятия» нет), а «старой старушки седатой» — жительницы тех мест, куда является Щелкан за данью.

³ Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. Изд. Гос. лит. музея, М., 1948 (В дальнейшем: С—Ч).

6. Оригинален конец песни, не встречающийся в других вариантах: у «озера большиньского» собираются какие-то люди, которых боится Щелкан. Он выпивает «цетверть зелена вина». Вино оказывается «зельем лютым», и Щелкан умирает. Смутность развязки не дает права говорить о ее прямой связи с тверским восстанием 1327 г., однако какая-то связь с ним, по крайней мере значительно бóльшая, чем в кенозерских вариантах, несомненна.

Вместе с тем следует говорить о генетической связи варианта А. В. Ивановой с опубликованными ранее вариантами. Все они восходят, по-видимому, к одной древней песне о Щелкане, причем вариант Кирши Данилова в ней особенно близок. Ниже мы приводим некоторые фразеологические параллели, которые показывают связь публикуемого варианта с другими.

Запись песни о Щелкане Дудентьевиче от А. В. Ивановой хранится в архиве Карельского филиала АН СССР (Фольклорный отдел, ^{39/}№177).

- Против зеркала хрустального,
 Против чистого заморьского
 Царь сидит — суды судит,
 Он суды судит да ряды рядит:
- 5 Мишку — на Костóмку,
 Ваську — на Малые ряды,
 А ведь шурина любимого
 Щелкана Задудентьевича —
 Службой бóльшею,
- 10 Дорожкой дальнею
 За тридевять земель
 Да за тридевять горей
 Сбирать дани-пошлины,
 Прежни невыплаты
- 15 Да досельни невыкладки —
 Со всякой улици по курици,
 С кажного дому по пяти рублей.
 У кого, бóде, нету с улици по курици,
 У кого, бóде, нету с дому пяти рублей —
- 20 У того брать по доцери любимой
 Да по сыну одинакому.
 Вот пошел Щелкан да Задудентьевич,
 Идет да доброумится,
 Доброумится да ухмыляется,
- 25 Небывальма словама похваляется,
 Что вот пошел дорожкой дальнею,
 А службой бóльшею
 За тридевять земель,
 За тридевять горей
- 30 Сбирать дани-пошлины,
 Прежни невыплаты,
 Досельни невыкладки —
 Со всякой улици по курици,
 Со всякого дому по пяти рублей.
- 35 У кого нету с улици по курици,
 У кого нету с дому по пяти рублей —
 Брать до доцери любимой,
 А по сыночку одинакому.

- Ну, встречается ему, стрéту попадается
 40 Старая старушка седатая,
 Говорит ему да таковы слова:
 «Ты куда, Щелкан, пошел, да Задудентьевич?»
 («А он отвечает»):
 «Я пошел службой большою,
 45 Дорожкой дальнею
 За тридевять земель,
 За тридевять горей
 Сбирать дани-пошлины,
 Прежнии невыплатки,
 50 Досельни невыкладки —
 Со всякой улици по курици,
 Со всякого дому по пяти рублей.
 У кого нету с улици по курици,
 У кого нету с дому пяти рублей —
 55 Брать по дощери любимой,
 А по сыночку одинакому».
 Ему старая старушка отвечает:
 «Дай те бог туда не дойти
 И назад не придти».
 60 Вот приходит он ко озеру большиньскому,
 Ко тому ли деревину деревиньскому,
 Смотрит на дру́гу сторону,
 Видит люди ходят на другой стороне.
 («Он и говорит»):
 65 «Что это люди за люди,
 Черти как дьяволи,
 Попы или дьякони?»
 Оглянулся назад себе —
 Стоит перед ним четвертиночка,
 70 Четверть зеленá вина,
 Зелена вина да зелья лютого.
 Обрадел он с зеленá вина,
 Берет стакан да во белы руки,
 Наливат в стакан да зеленá вина,
 75 Зеленá вина да зелья лютого.
 Тут и душа вышла.
 («Оказалось, не зелено вино, а яд»).

Примечания

Строки 3—4.

К: Суды рассуживает,
и ряды разряживает.¹

Г 235 Да он суды рассуживал,
Да дела приговаривал.

Г 254 Он сидел суды ведь рассуживаё,
Да слова он выговариваё.

Г 269 Он суды-ти рассуживал,
Дела приговаривал.

¹ Цит. по изд.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938, № 4, стр. 21—24. (В дальнейшем: К).

Г 283 Ен суды рассуживал,
Все дела приговаривал.

Строки 5—6. В кенозерских вариантах устойчиво называются Тотьма и Новгород, в варианте К — Плѣс, Вологда и Кострома. «Костомка» — возможно искажено от «Кострома».

Строки 9—21 (см. также строки 26—38 и 43—55). Ср.:

К Брал он, млад Щелкан,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублёв,
С бояр по пятидесять,
С крестьян по пяти рублёв;
У которого денег нет,
У того дитя возмет;
У кого дитя нет,
У того жену возмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет.

Г 235 Ради дани и выходу,
Ради чортова правѣжу.
Он де с поля брал по колосу,
С огорода по курици,
С мужика по пяти рублей,
У кого тут пяти рублей нету,
У того он жену берет,
У кого как жены-то нет,
Так того самого берет.

Г 254 Да Щелкан-от Дудентьев сын
Да он с улицы брал по курици,
Со двора он брал по коню,
У кого коня-то ведь нет,
У того он жену возьмѣ,
У кого-де жены-то ведь нет,
А тово-де самого возьмѣ.

Г 269 Не для дани да выхода,
Ради чертова правѣжу.
Чорт-от с улицы
Брал по курицы,
Со избы брал он пѣтуху,
Со бела двора он по добру коню.
У кого коня нет, дак и жену возьмет,
У кого жены нет, самово в полон возьмет.

Г 283 Ен для чертова правѣжу,
Ради дани и выходу.
Ен де с поля по колосу брал,
С улицы по курици,
С мужика по пяти рублей.
У кого-де пяти рублей нет,
У того он жену берѣт.
У кого как жены-то нет,
И того самого берѣт.

С—4 Ради дани да выходу,
Ради цертова правѣжа.
Он с поля брал по колосу,
С огорода по курице,
С мужика по пяти рублей.
У кого как пяти рублей нет, —
У того он жену берет.
У кого как жены нет, —
У того так самого берет.

Строки 57—58. Ср.:

Г 235 Да чтобы тебе, брателку,
Да туда-то уехати,

Да назад не приехати,
 Да остыть бы те, брателко,
 Да на востром копье,
 На булатном на ножичке.

Г 283 И кабы ти уехати
 И назад не приехати.
 Кабы ти самому на ножі остыть
 И на сабли на вострые.

С—4 Как бы тебе, брателко,
 Туда уехати,
 Назад не приехати.
 Остыть бы тебе, брателко,
 На востром копье,
 На булатном на ножицьке,
 Как заколол ты сына милого,
 Только цяда любимого
 Ради Твери города,
 Ради Твери-то славные,
 Только ради Твери богатые.